

EDN: SAUTQC
УДК 94(47)(571.1):930.8

Analysis of the Problems of Economic Inequality in the Peasant Environment of Western Siberia at the Turn of the 19th-20th Centuries Based on the Materials of Soviet Historiography

Vladimir N. Vladimirov* and Kseniia A. Pozharskaia

*Altai State University
Barnaul, Russian Federation*

Received 01.09.2023, received in revised form 12.09.2023, accepted 13.09.2023

Abstract. The focus of the article is on the study of the problem of economic inequality among the peasantry of Western Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries in Soviet historiography. The examination of this problem by domestic historians is closely connected with the development of the theme of capitalism in rural economy during the post-reform period. According to the methodological constructs of Soviet science, the manifestation of capitalist relations in the Siberian village primarily involved the decomposition of the peasantry, expressed through differentiation, polarization, and deformation of the peasant society. The main attention in Siberian studies from the 1920s to the 1980s was directed towards developing methodologies to identify different economic groups within the peasant community, the percentage distribution of these groups, and comparison with similar indicators of the peasantry in the European part of the Russian Empire. The main conclusion of the article is that the achievements of Soviet historiography can still be fully utilized in research on the agrarian history of Siberia. Towards the end of the studied period of historiography, a tendency emerged to use mass statistical sources and process them using methods of mathematical statistics and informatics. Today, there is a keenly felt need to employ tools for measuring economic inequality that would allow differentiation based on specific characteristics to be brought to a more general economic “common denominator”. For this purpose, tools for organizing and analyzing data (databases, spreadsheets, statistical software packages) must be used, as well as a set of indicators (measures) developed within econometrics and economic history, the most popular of which are the decile coefficient and the Gini index.

Keywords: peasantry, economic inequality, grouping, Soviet historiography, Western Siberia, method, technology, capitalism, differentiation, statistics.

Research area: domestic history.

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 21–18–00509: «The evolution of income and property inequality of the population of Russia: from the Great Reforms to the «Great Turning Point» in the regional dimension (statistical and geoinformation analysis)».

Citation: Vladimirov V.N., Pozharskaia K.A. Analysis of the problems of economic inequality in the peasant environment of Western Siberia at the turn of the 19th-20th centuries based on the materials of Soviet historiography. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(11), 1891–1905. EDN: SAUTCQ

Анализ проблем экономического неравенства в крестьянской среде Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. по материалам советской историографии

В.Н. Владимиров, К.А. Пожарская

*Алтайский государственный университет
Российская Федерация, Барнаул*

Аннотация. В центре внимания статьи находится изучение в советской историографии проблемы экономического неравенства крестьянства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Рассмотрение отечественными историками этой проблемы тесно связано с разработкой темы развития капитализма в сельском хозяйстве пореформенного периода. Проявлением развития капиталистических отношений в сибирской деревне, согласно методологическим построениям советской науки, выступало прежде всего разложение крестьянства, проявлявшееся в дифференциации, поляризации и деформации крестьянского социума. Основной вектор внимания в сибиреведении 1920–1980-х гг. был направлен на разработку методик выявления разноуровневых экономических групп внутри крестьянской общности, процентного соотношения этих групп и сравнения с аналогичными показателями крестьянства европейской части Российской империи.

Основной вывод статьи заключается в том, что достижения советской историографии до сих пор могут быть полноценно использованы в исследованиях по аграрной истории Сибири. В конце изучаемого периода историографии была заложена тенденция использования массовых статистических источников и их обработки методами математической статистики и информатики. На сегодняшний день остро ощущается необходимость использования таких инструментов измерения экономического неравенства, которые позволили бы привести дифференциацию по отдельным признакам к более общему экономическому «знаменателю». Для этого должны использоваться средства организации и анализа данных (базы данных, электронные таблицы, статистические пакеты), а также набор показателей (измерителей), выработанных в рамках эконометрики и экономической истории, наиболее популярными из которых являются децильный коэффициент и индекс Джини.

Ключевые слова: крестьянство, экономическое неравенство, группировка, советская историография, Западная Сибирь, метод, технология, капитализм, дифференциация, статистика.

Научная специальность: 5.6.1 – отечественная история.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21–18–00509: «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до «Великого перелома» в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)».

Цитирование: Владимиров В. Н., Пожарская К. А. Анализ проблем экономического неравенства в крестьянской среде Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. по материалам советской историографии. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(11), 1891–1905. EDN: SAUTQC

Введение. Проблемы экономического неравенства всегда были и остаются актуальными как для исторической науки, так и для всего спектра наук о человеке и обществе. Один из самых сложных вопросов, связанных с экономическим (имущественным) неравенством, – это вопрос измерения. Он решается чаще всего путем прямого сравнения доходов разных слоев населения. Однако в ряде случаев возникают трудности, связанные либо с плохой сохранностью источников, либо с отсутствием в них информации о доходах, как это происходит нередко при изучении аграрной истории. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с отражением в советской историографии подходов к характеристике и измерению экономического неравенства в среде западносибирского крестьянства на рубеже XIX–XX столетий.

Прежде всего следует отметить, что указанная тематика нечасто являлась предметом специального внимания сибирских историков-аграрников. Авторы историографических работ, затрагивавших обозначенную тему (например, М. Б. Шейнфельд, А. В. Минжуренко), чаще фокусировали внимание на дореволюционных исследованиях (SHeinfel'd, 1973), (Minzhurenko, 1988) либо рассматривали неравенство в контексте истории переселенческого движения и развития аграрных отношений в регионе (Л. М. Горюшкин и Н. А. Миненко) (Goryushkin, Minenko, 1984). Тем не менее именно советская историография создала весомый научно-исследовательский задел по проблемам экономического неравенства крестьянства Западной Сибири, теоретически и методически определила основные

направления изучения вопросов социально-экономической дифференциации крестьянской массы.

Важно отметить, что «предшественница» исторической науки советского периода – дореволюционная историография – практически не концентрировала внимание на вопросах дифференциации крестьянского социума. Однако именно тогда была накоплена значительная фактологическая база и собран богатый полевой материал для социальных, экономических, демографических исследований на следующих этапах развития историографии крестьянства Западной Сибири. Этот период характеризовался отсутствием универсальных методик определения параметров социально-экономического и демографического развития, а также технической вооруженности крестьянских хозяйств. Отсутствовали методики или модели для сравнения уровня экономического благосостояния сложносоставных групп населения сибирского региона – старожилов и переселенцев, исследователи преимущественно оперировали средними значениями показателей имущественной состоятельности и хозяйственно-бытовой обеспеченности крестьян, проживавших в сибирском регионе (Shvecov, 1899), (Kaufman, 1895), (*Sbornik*, 1912), (Nagnibeda, 1917). Известный историк Сибири А. В. Минжуренко со ссылкой на В. И. Ленина характеризовал немарксистскую историографию как «эмпирическое бытовое наблюдение» (Minzhurenko, 1988: 43). Тем не менее многими дореволюционными авторами высказывались идеи о существовании имущественного неравенства среди старожилов и переселенцев,

отмечалось влияние массового переселенческого движения на экономику и социальную структуру сибирской деревни (Gurvich, 1888), (Sushchinskii, 1989), (Oganovskii, 1914) и др.

И все же настоящую актуализацию тема экономического неравенства в крестьянской среде получает в рамках советского периода историографии, поскольку ее проблемное поле оказалось тесно связано с утверждением марксистско-ленинского подхода в исторических исследованиях. В работах В.И. Ленина применительно к крестьянству внутренних губерний страны в качестве ведущего проявления развития капитализма в сельском хозяйстве как Сибири, так и России в целом, рассматривалось разложение крестьянства, понимаемое как «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения» (Lenin, 1971, Т. 3: 165). В.И. Ленин, в частности, широко пользовался методом статистических группировок по экономической состоятельности крестьянских хозяйств, осуществляя его с классовых позиций (Lenin, 1971, Т. 3: 95–96, 112–113). Им обосновывались идеи о необходимости создания группировок крестьянских хозяйств по признакам, являвшимся доминирующими в тех или иных экономических зонах. Так, в условиях преобладания зерновой системы группировку дворов следовало осуществлять по величине посева, дополняя ее данными о распределении рабочего и продуктивного скота, машин, наемных рабочих, арендуемой земли и т.д., т.е. рассматривать «в связи со всей совокупностью данных о крестьянском хозяйстве» (Lenin, 1971, Т. 17: 117). А в ситуации, когда профиль экономической деятельности крестьян предполагает сочетание земледельческих (или животноводческих) и промысловых занятий, необходимы группировки по размерам и типам земледелия, а также по размерам и типам «промыслов» (Lenin, 1971, Т. 3: 96). Методологический подход, использованный Лениным в его работах конца XIX – начала XX вв., оказал большое влияние на всю дальнейшую историографию советского периода, в рамках

которой характеристика экономического неравенства крестьянства на основе статистических группировок стала одним из основных инструментов исследования.

Работы 1920–1930-х гг. В 1924 г. вышло исследование известного сибирского статистика И.В. Ярового «Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири». В работе не рассматриваются материалы интересующего нас периода, однако она представляет интерес с методической точки зрения. Автор выдвинул тезис о том, что при вариативности и разнообразии критериев для выделения экономических групп крестьянства наиболее рельефно определяет экономический потенциал хозяйства такой признак, как посевная площадь. При этом особо подчеркнуто, что данный критерий неприменим к зонам, имеющим промысловый и полупромысловый профили, поэтому более универсальным признаком все же является доходность крестьянских хозяйств, которую, однако, невозможно установить в связи с отсутствием представительных бюджетных обследований сибирских крестьян. Поэтому в районах развитого земледелия именно определение размеров посевной площади является наиболее точным признаком деления крестьянских хозяйств на экономические группы (бедняцкие хозяйства с посевом до 3–4 дес., середняцкие – 8–10 дес.). Кроме того, автор на основе опроса, проведенного весной 1924 г., произвел расчет хлебного баланса для каждой экономической группы сибирского крестьянства. Используя сведения о составе семьи, а также количестве рабочего и молочного скота, исследователь определил расход хлебопродуктов на потребление семьи и фуража для рабочего и молочного скота. Сопоставление чистого сбора хлебов (за вычетом посевного фонда) и расхода продуктов позволило выявить дефицитные хозяйства и хозяйства, имеющие излишки. И.В. Яровой отнес к бедняцким, т.е. дефицитным, беспосевные хозяйства или сеющие до 4 дес., к середняцкой группе – сеющих до 10 дес., к зажиточным хозяйствам – сеющих свыше 10 дес. зерновых

культур (Iarovoi, 1924: 2–4). К достижениям исследователя также можно отнести создание подробных описаний каждой из групп крестьян (состав семьи, половозрастной состав, побочные занятия, обеспеченность рабочим скотом, сведения об аренде земли и т.д.) (Iarovoi, 1924: 14–21).

Одну из первых попыток проиллюстрировать процессы разложения крестьянства в сибирской деревне рубежа XIX–XX вв. предприняли заведующий Сибкрайстаткомитетом В. А. Каврайский и инструктор Сибирского крайкома ВКП(б) И. С. Нусинов. Несмотря на то что внимание авторов фокусировалось преимущественно на специфике развития сибирской деревни 1920-х гг., ими были привлечены материалы обследований крестьянских хозяйств Барнаульской волости за 1897 и 1905 гг. Для 1897 г. было рассмотрено 3 посевные группы: малопосевная (до 4 дес. посева), среднепосевная (имевшие посев от 4 дес. до 10 дес.) и многопосевная (хозяйства с посевом свыше 10 дес.) (Kavraiskii, Nusinov, 1927: 16). Авторы зафиксировали связь между размером посевов и обеспеченностью хозяйств рабочими лошадьми и коровами. По их мнению, хозяйства, относящиеся к многопосевной группе, являлись товарными, поскольку концентрировали основные пахотные земли и живой инвентарь. Далее в работе отмечается, что к 1905 г. проявилось обеднение крестьян Барнаульской волости, выразившееся в увеличении числа хозяйств мелкопосевной группы и сокращении двух других групп крестьян (Kavraiskii, Nusinov, 1927: 17). При этом на фоне сокращения удельного веса группы многопосевных хозяйств фиксируется их качественное усиление, проявившееся в более высоком уровне технической вооруженности сельскохозяйственным инвентарем (плугами, косилками, молотилками) (Kavraiskii, Nusinov, 1927: 19). В дальнейшем данное исследование критиковалось в историографии за отсутствие принципов и критериев группировок крестьянских хозяйств (Slepov, 2011: 89–90).

В 1930 г. вышла публикации Ф. Сластухина и Г. Чехихина, обработавших карточ-

ки обследования 1911–1912 гг. 341 хозяйства переселенцев и старожилов степной зоны Славгородского уезда Алтая, т.е. района, представлявшего собой вектор притяжения крестьян-мигрантов времен реализации в регионе Столыпинской переселенческой политики. Авторы использовали метод комбинационной группировки на основе социально-экономических признаков (величина посева, общее количество скота, в том числе рабочего и коров, стоимость основных средств производства) и давности поселения. Были выделены следующие группы крестьянских хозяйств: бедняцкие, бедняцкие с элементами зависимости, середняцкие с элементами предпринимательства, кулацкие, крупнокулацкие хозяйства (Slastuhin, Sheshihin, 1930: 71–75). Следует отметить, что указанная работа носит в значительной степени идеологизированный характер, которому подчинены и ее научные аспекты.

Говоря о раннем периоде рассматриваемой историографии в целом, следует отметить, что в нем, прежде всего работами В. И. Ленина, были заложены основы методологического подхода к пониманию экономического неравенства в среде сибирского крестьянства, применительно к которому появилось понимание его специфики по сравнению с общероссийскими тенденциями.

1950–1960-е гг. В 1950-е гг. тема неравенства в крестьянской среде находит отражение в работах ряда историков, из которых отметим две кандидатские диссертации. В диссертации А. К. Захаровой «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири» источниковую основу для выявления экономических групп крестьянства Западной Сибири составили статистические материалы в 20 томах подворных переписей 1888–1892 гг., проводившихся правительственной комиссией. Основой для группировки явились данные о посевах, численности голов рабочего скота, количестве сельскохозяйственного инвентаря на двор. Исследовательница пришла к выводу о глубокой классовой дифференциации сибирской деревни, особенно

в южных округах Тобольской и Томской губерний, где преобладали земледелие и скотоводство. Северные округа Западной Сибири определялись автором как «медвежьи углы» по причине отсутствия путей сообщения. В них процент бедняцких хозяйств достигал 65 % при 17–20 % зажиточных хозяйств, в которых концентрировались денежные доходы от промыслов, организованных на дешевом труде зависимой бедноты. Для южных округов Западной Сибири расслоение в крестьянской среде А.К. Захарова определяла в следующих значениях: зажиточная верхушка, занимавшаяся торговым земледелием и скотоводством, составляла 20–25 % хозяйств, 25–35 % хозяйств являлись середнячками, а 40–45 % были отнесены к низшей группе. Исследовательница объясняла данную социальную структуру локальной территории юга Западной Сибири экономическими факторами: хорошей связью с рынками Европейской России, а также быстротой включения в общественное разделение труда путем превращения территории в рынок сбыта промышленных товаров (Zaharova, 1952: 6–7).

Отдельно А.К. Захарова затронула вопрос о дифференциации в среде переселенцев. Проанализировав данные обследования правительственной комиссии 1893 г., она отметила, что в Тобольской и Томской областях процент бедняцких хозяйств у переселенцев, проживших 15 и более лет в Сибири, был значительно выше, чем у старожилов: 70–80 % – это бедняцкие хозяйства, из которых 40 % составляли неимущие – батрацкие хозяйства без посева, скота и инвентаря, около 7 % – зажиточные и 15–18 % – середняки. Используя сведения обследования 32 тыс. переселенческих хозяйств Сибири в 1911 г., осуществленного бюджетной комиссией 3-й Государственной Думы, А.К. Захарова сделала заключение о дальнейшем разорении основной массы крестьян и росте зажиточной верхушки, хозяйства которой превращались в хозяйства фермерского типа. По подсчетам автора, у 50 % бедняков имелось от 0,3 до 3 дес. посева при 2–3 головах крупного рогатого скота, у 14,8 % зажиточных – по 14,4 дес. посева, 19 дес. се-

нокоса и до 22–23 голов крупного рогатого скота на двор. Хозяйства бедняков и середняков теряли землю и уменьшали посевы. У зажиточной группы в 20–25 % хозяйств сосредотачивались основная масса посевов, скота и 60–75 % сельскохозяйственных машин (Zaharova, 1952: 8).

В диссертации А.А. Храмова был сделан вывод о том, что соотношение между высшими и низшими группами крестьянства Сибири и Европейской России в конце XIX – начале XX вв. принципиально не отличалось. Хотя перед революцией численный состав низшей группы в Сибири был несколько меньше, чем в Европейской России, но более половины дворов также являлись бедняцкими (60 %). Сельская буржуазия составляла примерно 15–20 % крестьянства, но именно это незначительное меньшинство сосредотачивало в своих руках до 40 % посевов и скота, 50 % улучшенных орудий труда и т.д. и эксплуатировало трудящихся крестьян. По мнению исследователя, специфика сибирского региона состояла в более низкой концентрации кулацких хозяйств и глубине разложения крестьянства, что обусловило менее острые, сравнительно с европейской частью страны, противоречия внутри крестьянства (Hramkov, 1956: 5–6).

Знаковой в 1960-е гг. стала работа В.Г. Тюкавкина «Сибирская деревня накануне Октября». Исследователь разделял точку зрения о том, что в полной мере для осуществления социальной стратификации земледельцев необходимо выявление таких показателей, как величина посева, количество рабочих лошадей в районах экстенсивного земледелия, а также количество дойных коров в регионах с маслодельческой специализацией. Автор подчеркивал, что такой подход не исключает ошибок и потому важно использовать также сведения о найме рабочих, доходах и другие данные (Tyukavkin, 1966: 145–146).

Историк преимущественно обрабатывал статистические сведения, собранные исследователями начала XX в. В.К. Кузнецовым и В.Я. Нагнибедой, а также опубликованные данные Военно-конской переписи

1912 г. и погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. На их основе он реконструировал динамику хозяйственной эволюции крестьянских дворов (как старожилов, так и переселенцев), например, изменение соотношения групп крестьянских хозяйств, выделенных по количеству рабочих лошадей; рост числа безлошадных дворов к 1917 г.; экономическое положение переселенческих дворов, сгруппированных по времени проживания в Сибири и др. (Tyukavkin, 1966: 153–175).

Новаторством ученого явился анализ данных 90 бюджетных описаний крестьянских хозяйств «среднего достатка», т.е. дворов, по определению авторов обследования под руководством В.К. Кузнецова, типичных для той или иной местности. В частности, В.Г. Тюкавкин обрабатывал сведения по природным полосам: лесостепь Западной Сибири (21 двор), степная полоса (26 дворов), лесостепь Восточной Сибири (20 дворов), таежная полоса (23 двора). Применительно к каждой природной полосе на основе опубликованной статистики он установил средние данные по посеву, стоимость по среднерыночным ценам (в рублях) построек, земледельческих орудий, транспортных орудий, сбруи и упряжи, скота и птицы, источники доходов и статьи расходов (Tyukavkin, 1966: 176–185).

Отдельно был осуществлен анализ бюджетов 21 старожильского хозяйства из 21 деревни Томской губернии (данные комиссии под руководством В.Я. Нагнибеды). Автор заключил, что данные бюджетных обследований подтверждают правильность группировки крестьянских дворов по площади посева и количеству скота, что позволяет вычленивать разные социальные классы с разняющимися доходами и расходами (Tyukavkin, 1966: 185–194). Однако проблема сибирского региона, по мнению В.Г. Тюкавкина, заключается в отсутствии массовых данных о доходности крестьянских дворов, потому группировка дворов по доходности не применима при изучении социального неравенства сибирской деревни (Tyukavkin, 1966: 195).

Работы рассмотренного периода подготовили переход изучения экономического неравенства сибирского крестьянства на новый качественный уровень, что нашло наиболее полное воплощение в работах крупного новосибирского историка Л.М. Горюшкина, внесшего весомый вклад в изучение аграрной истории Сибири периода капитализма.

Исследования Л.М. Горюшкина. Исследователь особо настаивал на важности учета разнообразия комбинаций хозяйственной обеспеченности крестьянских хозяйств при изучении процессов разложения крестьянства в сибирской деревне. В частности, он отмечал, что нередко зажиточные крестьяне могли не иметь посева и рабочего скота, но получали доход от торговоростовщической или предпринимательской деятельности. Л.М. Горюшкин приводил такие варианты «занятости» богатых крестьян, как извоз (многолошадными хозяйствами), разведение коров и маслоделие, сдача за денежную плату сельскохозяйственных машин. В таком случае большой посев трудящегося крестьянина, который не имел усовершенствованного инвентаря и достаточного количества скота, мог принести дохода не больше, чем меньший по размеру посев зажиточного крестьянина, имеющего и машины, и скот. Исследователь подчеркивал важность комплексной группировки дворов с учетом целого ряда признаков, что позволяет более полно реконструировать социальный облик той или иной категории крестьянских хозяйств (Goryushkin, 1962: 96), (Goryushkin, 1967: 98). Л.М. Горюшкин отмечал, что группировка крестьянских дворов по хозяйственным признакам не противоречит методу доходной группировки и даже является его дальнейшим развитием, так как доходность крестьянских хозяйств во многом зависела от обеспеченности средствами производства. Используя данные переселенческой текущей статистики за 1913 г., обследований 1911–1912 гг., переписей 1916 и 1917 г., ученый создал подоходную группировку крестьянских дворов, отнеся к бедняцким хозяйствам с годовым доходом до 280 руб.,

средняцким – имевшим доход от 280 до 840 руб., определив как кулацкие хозяйства с доходом свыше 840 руб. (Goryushkin, 1967: 100–101).

Методика оценки доходов, применявшаяся Л.М. Горюшкиным и опиравшаяся на аналогичные подсчеты С.Г. Струмилина, заключалась в следующем: основой выступало среднее значение годового заработка батраков (учитывался как заработок мужчин, так и женщин), которое умножалось на количество работников в батрацких семьях при среднем составе семьи в 5 чел. Величина натуральных приработков исчислялась автором в 20 %. Соответственно, средний заработок в 146 руб. исследователь умножал на среднее количество работников, равное 1,6 чел., в результате получалось 233 руб. К этой сумме прибавлялось 20 % приработков, что от 233 руб. составляло 47 руб. Итоговое значение равнялось 280 руб. Аналогичным образом, с учетом состава семьи и нормы эксплуатации, подсчитывался доход семьи для остальных групп крестьянских хозяйств (Goryushkin, 1967: 100).

Подходную группировку Л.М. Горюшкин дополнял сведениями о посевах и обеспеченности хозяйств рабочим скотом и коровами. Так, на основе обследования Переселенческого управления 1903–1904 гг. 13712 дворов (включая сведения о бюджетах 51 хозяйства переселенцев Сибири), он установил, что хозяйства, имевшие доход, не превышающий планку в 280 руб., были либо беспосевными, либо имели посев в 1–4 дес., являлись безлошадными или имели 1–2 (в качестве исключения три) головы рабочего скота, не были обеспечены коровами или держали их в количестве не более 1–2 голов (Goryushkin, 1967: 100–101).

Обращаясь к вопросу о степени разложения крестьянства, Л.М. Горюшкин оперировал сведениями по Барнаульскому уезду Томской губернии. Используя данные об урожайности зерновых культур и их доле в структуре посева, средние цены за единицы веса, сведения о среднегодовом удое коров и стоимости молока за пуд, он определил общую сумму дохода от посева и мо-

лочного скота. Расчет расходов на уплату податей, потребление хлеба, приобретение одежды для членов семьи, а также посевных материалов при известном уровне доходов позволил автору определить грань, отделяющую бедняцкие хозяйства от средняцких в условиях Западной Сибири, следующими показателями: 4 дес. посева с 2 лошадьми и 2 коровами. Для средняцких хозяйств границы укладывались в 4–10 дес. посева, 5–6 лошадей и 4 коровы. По мнению Л.М. Горюшкина, количество излишков производимой продукции превосходило собственное потребление в хозяйствах, имеющих свыше 10 дес. посева, более 5 голов рабочего скота и 4 голов коров (Goryushkin, 1967: 102–104, 105). При этом в занятиях кулачества весомое место занимали торговля и ростовщичество, но ведущим являлось производство продуктов. Симбиоз торгового земледелия и скотоводства с торгово-промышленными заведениями приводил к концентрации в их руках также переработки и сбыта продуктов (Goryushkin, 1964: 18–19). Подобные же значения показателей развития крестьянских хозяйств для иллюстрации процессов расслоения нашли отражение и в других работах исследователя-аграрника (Goryushkin, 1976: 158–159).

Сравнение материалов подворных карточек переписи 1917 г. с данными обследований крестьянских дворов Барнаульской волости за 1897 и 1905 гг. позволило автору сделать вывод о сокращении численности средних слоев крестьянства при росте численности бедняцких хозяйств. Л.М. Горюшкин зафиксировал, что к 1917 г. бедняцкими являлись 47–48 % всех хозяйств Алтая, средняцкими – 33–34 %, а кулацкими – 19–20 %. Для сравнения – в 1897 г. бедняцкие, средняцкие и кулацкие хозяйства исчислялись им соответственно в 39,3, 38,2 и 22,5 % (Goryushkin, 1976: 106).

Исследователь полагал, что разложение крестьянства в равной степени затронуло как старожилов, так и переселенцев, продемонстрировав однородность отношений между высшими и низшими группами у обеих категорий сибирского кре-

стьянства. При этом, например, в Томской губернии численность бедноты среди переселенцев была выше, поскольку их ряды пополнялись разоренными крестьянами из внутренних губерний страны, что находило выражение также и в меньшем проценте среднего крестьянства (Goryushkin, 1976: 170–171).

Помимо предложения универсальной схемы группировки крестьянских хозяйств Сибири, использовавшейся и другими специалистами-аграрниками (Л.Ф. Скляров, В.А. Степанин, В.Г. Тюкавкин), Л.М. Горюшкин охарактеризовал проблему разложения крестьянства по различным естественно-историческим зонам Сибири, а также выделил социальные группы сибирских крестьян (Goryushkin, 1976: 172–211). К бедноте автором были отнесены сельские пролетарии (рабочие «без надела», «полные батраки»), полупролетарии, или парцельные крестьяне (близки к «рабочим с наделом»), и мелкие крестьяне. «Среднее крестьянство» образовывали земледельцы, имеющие участки на правах собственности или аренды, получавшие излишки от своего производства или прибегавшие к найму. К сельской буржуазии исследователь отнес крупные крестьянские хозяйства, основанные на эксплуатации наемного труда или торгово-ростовщической и земледельческой кабале крестьян (Goryushkin, 1976: 190–200).

1970–1980–е гг. С конца 1960-х гг. в исследованиях по истории сибирского крестьянства рубежа XIX–XX вв. предпринимаются попытки использования количественных методов и обработки массовых статистических источников на ЭВМ. Прежде всего это относится к материалам сельскохозяйственных переписей (Baufal, Goryushkin, Zolototrubov, 1969), (Слепцов, 1976), (Nikulin, 1985). В частности, в коллективном исследовании под научным руководством Л.М. Горюшкина были выборочным способом отобраны и обработаны на ЭВМ анкеты переписи 1916 г. по Томской губернии (более 8 тыс. хозяйств). Результатом стало выявление круга экономических и демографических характеристик развития

крестьянских хозяйства, а также создание на основе их комбинаций базы для группировки крестьянских дворов (группировки по посеву на надельной земле, по величине арендованного посева и посева на арендованной земле, по числу коров в хозяйстве, по числу рабочих лошадей, по числу наёмных работников и т.д.) (Baufal, Goryushkin, Zolototrubov, 1969: 35–64). В связи с преобладанием в Томской губернии двух основных хозяйственных профилей – зернового производства и маслоделия – авторы для определения типов крестьянских хозяйств предлагали использовать такие экономические параметры, как величина посева и количество коров. В результате при группировке крестьянских хозяйств по размерам посевов к бедняцким, середняцким и кулацким хозяйствам были отнесены 52,8 %, 30,5 % и 16,7 % хозяйств соответственно. Группировка хозяйств по числу коров дала схожие результаты: 54,6 % бедняцких хозяйств (с 1–2 коровами на хозяйство), 26,7 % середняцких хозяйств (в среднем с 3,7 коровами на 1 хозяйство), 18,7 % кулацких хозяйств (в среднем с 7,1 коровами на 1 хозяйство) (Baufal, Goryushkin, Zolototrubov, 1969: 63–64). Отметим, что посвященная машинной обработке материалов по аграрной истории монография, изданная под редакцией Л.М. Горюшкина, не вызвала адекватного отклика в историографии, прежде всего, думается, по той причине, что она несколько опередила свое время. Сегодня становится понятным, что значение пионерской работы под руководством выдающегося историка-аграрника Л.М. Горюшкина заключается не только в полученных в то время результатах, но и в возможности их использования сегодня, на новом уровне развития методик и техник исторического исследования, в том числе и для количественного измерения экономического неравенства.

Выборочный метод применил и другой исследователь, Е.Я. Слепцов, который изучал крестьянские хозяйства, расположенные в лесостепной зоне Томской губернии. В изучавшиеся материалы были включены сведения как о переселенцах,

так и о старожилах, взятые из переписи 1916 г. С помощью корреляционного анализа исследователь определил наиболее приемлемые показатели группировки хозяйств. В частности, выделив информационный массив из 300 старожильческих хозяйств, автор вычленил 13 наиболее существенных демографических и экономических параметров развития крестьянского двора и в результате машинной обработки получил матрицу парных коэффициентов корреляции. В итоге выяснилось, что посев (как на собственной, так и на арендованной земле) в наибольшей степени коррелируется с такими показателями, как «рабочие лошади» (0,67), «крупный рогатый скот» (0,75) и «всего лошадей» (0,79). На этом основании исследователь сделал вывод о предпочтительном отборе именно данных параметров для осуществления группировки старожильческих хозяйств в лесостепной зоне Томской губернии. Вслед за своими предшественниками Е. Я. Слепцов акцентировал внимание на сложности выявления критериев для отнесения крестьянских хозяйств к определенным социальным группам, отметив отсутствие в регионе массовых сведений о бюджетах крестьянских хозяйств. Тем не менее он полагал, что группировка старожильческих хозяйств по трем указанным выше показателям вполне позволяет выявить основные социальные группы в деревне Западной Сибири накануне 1917 г., которые в процентном отношении характеризовались следующим образом: старожильская беднота – 47,1 %, среднее крестьянство – 32,8 %, зажиточные крестьяне – 20,1 % (Slepsov, 1976: 41–43, 49–59, 62).

Несколько особняком в сибирской аграрной историографии периода капитализма стоят работы П. Ф. Никулина, тесно связанные с направлением, возглавлявшимся И. Д. Ковальченко и получившим название «Количественные методы в исторических исследованиях». При этом основная часть работ исследователя сибирской деревни выходит за рамки рассматриваемого нами периода и относится к постсоветской историографии, а подводящие итог иссле-

дований автора защита докторской диссертации и публикация монографии относятся к первому десятилетию следующего, XXI столетия.

Тем не менее часть научного наследия исследователя относится еще к советскому периоду. Хотя П. Ф. Никулин сосредоточивался на изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства в Сибири, он, разумеется, не мог обойти проблемы экономического неравенства и дифференциации крестьянства по имущественному признаку. Фактически в своих исследованиях историк рассматривал другой тип дифференциации – на основе товарности хозяйства.

П. Ф. Никулиным активно использовался корреляционный метод, направленный на выявление структуры взаимосвязей между различными элементами крестьянского хозяйства и определение тесноты (силы) этих взаимосвязей. Данный метод предполагал установление формы связи признаков, а также измерение ее меры. Корреляционная методика, по мнению автора, позволила приблизительно определить границы между мелкотоварным и капиталистическим типами производства в крестьянском хозяйстве на основе определения тесноты взаимосвязи между определенными компонентами (например, количеством наемных работников и показателями хозяйственной состоятельности): если коэффициент корреляции является высоким, то данный тип хозяйства можно определить как предпринимательский. Более низкий уровень корреляции позволял определить тип такого хозяйства как мелкотоварный (Nikulin, 1985: 136–137).

Для осуществления анализа материалов переписи 1916 г. П. Ф. Никулин избрал следующие показатели: мужское население двора, количество собственных и наемных работников, число лошадей рабочего возраста (2 и более года), крупный рогатый скот (коровы и быки), величина посева на собственной пашне, посев на арендованной земле (Nikulin, 1985: 139–140). Выделив способом случайной выборки 5 волостей и осуществив механический бесповторный

отбор карточек переписи, исследователь сформировал базу в 871 единиц (генеральная совокупность 5902 хозяйства) (Nikulin, 1985: 140–141). Соответственно, автор пришел к следующим заключениям: относительно низкий уровень сбалансированности компонентов социально-экономических показателей крестьянского хозяйства, свидетельствующий о слабом развитии товарно-денежных отношений в крестьянской среде Западной Сибири. Даже для зажиточных хозяйств, вовлеченных в рыночные отношения, было характерно среднее значение тесноты рассмотренных связей, а также взаимосвязей между показателями хозяйственной обеспеченности. П. Ф. Никулин заключил, что хозяйства зажиточных крестьян эволюционировали в сторону фермерского типа, представляя собой переходную от низшей – мелкотоварной, в высшую – капиталистическую – форму производства (Nikulin, 1985: 148).

Своего рода итогом развития советской историографии аграрных отношений в Сибири в конце XIX – начале XX вв. явилось издание в 1983 г. коллективной монографии «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» (Krest'yanstvo..., 1983), ответственным редактором которой выступил Л. М. Горюшкин. В работе отмечалось, что утвердившиеся критерии группировки крестьянских хозяйств по размерам посевов и количеству рабочего и продуктивного скота часто не позволяют реконструировать полную картину социально-экономической дифференциации в крестьянской среде, поскольку хозяйства, имеющие достаточный объем средств производства, часто вели натуральное или полунатуральное существование и не использовали наемный труд. Поэтому авторы монографии выделяли 4 ведущих признака группировки: посев, количество лошадей, количество коров, наличие торгово-промышленных предприятий (Krest'yanstvo..., 1983: 91). При этом отмечалось, что статистика не регистрировала торгово-промышленные предприятия, а в источниках отсутствовали комбинации указанных признаков при характеристике групп хозяйств.

В монографии предлагалось разделение Западной Сибири на два района. Первый образовывали Тюменский, Туринский, Тобольский округа Тобольской губернии и Мариинский, а также Томский округ Томской губернии. Данные территории в силу сложных климатических и почвенных условий не позволяли одним земледелием удовлетворить потребности населения. Во второй район авторами были отнесены территории, специализирующиеся на земледелии: Курганский, Ишимский, Ялуторовский округа Тобольской губернии и Барнаульский Томской губернии. Соответственно, для каждого из округов каждой из частей региона предлагались группировки крестьянских хозяйств по обозначенным признакам. В частности, для северных районов Западной Сибири, где земледелие не получило широкого развития и процветал извозный промысел, а также торговые операции, осуществлялась группировка по числу рабочих лошадей. Для второго района Западной Сибири предлагалась группировка крестьянских хозяйств по размерам посева, дополненная количеством рабочих лошадей (Krest'yanstvo ..., 1983: 91–93).

Сопоставление данных по двум районам привело авторов к заключению о более низком уровне разложения крестьянства в северной части Тобольской губернии, где больше в процентном отношении составляли группы середняков и зажиточных крестьян. Южные же районы приняли на своей территории основной массив переселенцев, что снизило удельный вес зажиточных хозяйств и увеличило количество беднейших крестьян. В целом в Сибири были отнесены к бедняцким хозяйства без посева и с посевом до 4 дес., к кулацким – свыше 10 дес. (свыше 15 дес. пашни), к разорившимся середняцким – от 4 до 7 дес. (6–10 дес. пашни), к зажиточным середняцким – от 7 до 10 дес. (10–15 дес. пашни). К показателям разложения крестьянства и развития капиталистических отношений авторами были отнесены такие критерии, как применение наемного труда и формирование рынка рабочей силы, а также широкое ис-

пользование сельскохозяйственных машин (Krest'yanstvo ..., 1983: 91–94).

Заключение. Таким образом, аграрная историография Западной Сибири в части исследования экономического неравенства крестьянства содержательно строилась по нескольким проблемным линиям. Первая была связана с выявлением степени разложения крестьянства (становление сельской буржуазии и пролетариата), а также определением структуры сибирского сельского социума через выявление процентного соотношения между различными его группами (бедняки, середняки и зажиточные). В случае расхождения размеров процентных значений отдельных групп крестьян с соответствующими значениями применительно к сведениям по европейской части страны исследователи пытались осуществить обоснование причин количественных расхождений.

Вторая проблема была связана со стремлением исследователей предложить модели и методы группировки крестьянских хозяйств по различным признакам имущественной обеспеченности. Большинство авторов принимались во внимание три основных признака – посея, а также количество рабочего и молочного скота, выступающие в качестве маркеров экономического профиля крестьянских хозяйств (зерновое, скотоводческое, маслодельческое). Интересно отметить, что при группировке хозяйств мало использовались демографические сведения (например, о половозрастном составе семьи и людности крестьянского двора), данные о продолжительности проживания в местах водворения (для переселенцев), структуре посевов, сведения об аренде земли, вооруженности хозяйств инвентарем, размерах всех эксплуатируемых земельных площадей и структуре угодий и т.д., что во многом объясняется содержанием и структурой самих статистических источников.

При оценке степени расслоения до-революционного крестьянства исследователи получали разные, хотя и близкие в целом значения показателей принадлеж-

ности той или иной его части к бедняцкой, середняцкой или зажиточной группе. Разница в конкретных цифрах была обусловлена различными факторами: особенностями использованных источников, методикой подсчетов, хронологическими и территориальными рамками исследования, доминировавшим типом изучаемых хозяйств.

Совершенно очевидно, что итоги развития советской историографии до сих пор могут быть полноценно использованы в работах по аграрной истории Сибири. Дальнейшее развитие этих исследований в постсоветский период, безусловно, должно быть объектом отдельного рассмотрения. В то же время ограниченность возможностей полноценного исследования и обработки данных выявленной источниковой базы, а также слабое развитие инструментария работы с большими массивами статистической информации (например, переписями) не позволили научным изысканиям вплоть до конца XX в. выйти за пределы сравнительного анализа различных групп крестьян Западной Сибири на основе отдельных экономических показателей. На сегодняшний день остро чувствуется недостаток инструментов измерения экономического неравенства, которые позволили бы привести дифференциацию по отдельным признакам к более общему экономическому «знаменателю». В исследовательской лаборатории историка сегодня имеются средства организации и анализа данных (базы данных, электронные таблицы, статистические пакеты), а также набор показателей (измерителей), выработанных в рамках эконометрики и экономической истории, наиболее популярными из которых являются децильный коэффициент и индекс Джини (Salmina, 2019). Подобная работа уже проводится с данными по экономическому неравенству в среде рабочих и служащих Сибири первой трети XX в. (Vladimirov, Nezhencheva, SHCHetinina, 2022), (Vladimirov, 2022). Конечно, данные по экономическому состоянию крестьянства имеют свою специфику, подчас

затрудняющую формирование объективных оценок, однако быстрое развитие возможностей Data Science применительно

к историческим данным позволяет смотреть в будущее исследований в данном проблемном поле с оптимизмом.

Список литературы / References

- Baufal A. M., Goryushkin L. M., Zolototrubov V. S. *Materialy perepisi 1916 goda po Tomskoi gubernii: Iz opyta obrabotki na EVM* [Materials of the 1916 census in the Tomsk province: From the experience of processing on a computer]. Novosibirsk, Izdatel'stvo AN SSSR, 1969. 306 p.
- Goryushkin L. M. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki socialisticheskoi revolyucii v sibirskoi derevne: Ob urovne i osobennostyakh razvitiya kapitalizma v sel'skom hozyaistve Zapadnoi Sibiri v konce XIX – nachale XX vv.* [Socio-economic prerequisites for the socialist revolution in the Siberian countryside: On the level and features of the development of capitalism in the agriculture economy Western Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO AN SSSR, 1962. 130 p.
- Goryushkin L. M. *Sel'skoe hozyaistvo i krest'yanstvo Zapadnoi Sibiri v konce XIX – nachale XX v.: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kandidata ist. nauk* [Agriculture and the peasantry of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries: Abstract of the thesis. for the academic degree candidate ist. Sciences]. Tomsk, 1964. 25 p.
- Goryushkin L. M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvuh vekov: Konec XIX – nachalo XX* [Siberian peasantry at the turn of two centuries: the end of the 19th – the beginning of the 20th]. Novosibirsk, Nauka, 1967. 412 p.
- Goryushkin L. M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian Relations in Siberia in the Period of Imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Nauka» Sibirskoe otdelenie, 1976. 342 p.
- Goryushkin L. M., Minenko N. A. *Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konec XVI – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia in the pre-October period (late 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, 1984. 316 p.
- Gurvich I. A. *Pereselenie krest'yan v Sibir'* [Resettlement of peasants in Siberia]. Moscow, Tip. A. Levenson i K^o, 1988. 144 p.
- Iarvoi I. V. *Ekonomicheskoe rassloenie derevni i harakteristika osnovnykh grupp krest'yanstva Sibiri* [Economic stratification of the countryside and characteristics of the main groups of the peasantry in Siberia]. Novonikolaevsk, 1924. 38 p.
- Kaufman A. A. *Hozyaistvennoe polozhenie pereselencev, vodvorivshihsiya na kazennykh zemlyakh Tomskoi gubernii, po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya. Tom 1.: Opisaninya otdel'nykh poselkov i poselennye tablicy. Chast' 1.* [The economic situation of the settlers settled on the state lands of the Tomsk province, according to the data of a house-to-house study carried out in 1894, on behalf of the Tomsk governor. T.1.: Descriptions of individual settlements and settlement tables. Part 1.]. Saint Petersburg, tip. V. Bezobrazova i K^o, 1895. 348 p.
- Kavraiskii V., Nusinov I. *Klassovoe rassloenie sibirskoi derevni: Opyt analiza sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v sovremennoi sibirskoi derevne* [Class stratification of the Siberian village: Experience in the analysis of socio-economic relations in the modern Siberian village]. Novosibirsk, 1927. 98 p.
- Khramkov A. A. *Krest'yanstvo Zapadnoi Sibiri nakanune Fevralya 1917 goda (po materialam Tomskoi gubernii): Avtoreferat dis. na soiskanii uchenoi stepeni kand. ist. nauk* [The peasantry of Western Siberia on the eve of February 1917 (based on materials from the Tomsk province): Abstract of the thesis. for the degree of Cand. ist. Sciences]. Tomsk, 1956. 13 p.
- Krest'yanstvo Sibiri v epohu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism] / otvetstvennyi redaktor L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Nauka Sibirskoe otdelenie, 1983. 399 p.
- Lenin V. I. *Agrarnyi vopros v Rossii k koncu XIX v.* [The agrarian question in Russia by the end of the 19th century]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe* [Full composition of writings. Fifth edition], 1971, 17, 57–137.

Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii [The Development of Capitalism in Russia]. In: *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe [Full composition of writings. Fifth edition]*, 1971, 3, 5–606.

Minzhurenko A. V. Dorevolucionnaya istoriografiya o social'nom sostave krest'yan-pereselencev Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Pre-revolutionary historiography on the social composition of the peasant settlers in Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. In: *Hozyaistvennoe osvoenie Sibiri v period kapitalizma: istoriografiya problem [Economic development of Siberia in the period of capitalism: the historiography of the problem]*. (1988). 42–61.

Nagnibeda V. YA. Kulundinskaya step' Barnaul'skogo uезда i kul'turno-ekonomicheskii eya centr – selo Slavgorodskoe [Kulunda steppe of the Barnaul district and its cultural and economic center – the village of Slavgorodskoye]. In: *Trudy Zapadno-Sibirskogo obshchestva sel'skogo hozyaistva za 1913, 1914 i 1915 [Proceedings of the West Siberian Society of Agriculture for 1913, 1914 and 1915]*, 1917, 4, 146–188.

Nikulin P. F. K urovnyu razvitiya agrarnogo kapitalizma Zapadnoi Sibiri v nachale XX v. (opyt korrelyatsionnogo analiza) [To the level of development of agrarian capitalism in Western Siberia at the beginning of the 20th century. (Experience of correlation analysis)]. In: *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri perioda kapitalizma [Questions of historiography and source study of Siberia during the period of capitalism]*, 1985, 135–149.

Oganovskii N. P. Zakonomernost' agrarnoi evolyucii. T. III. Obnovlenie zemledel'cheskoi Rossii i agrarnaya politika. Vyp. 1. Naselenie. Pereselencheskii vopros [Regularity of agrarian evolution. T. III. Renewal of agricultural Russia and agrarian policy. Issue. 1. Population. resettlement issue]. Saratov, Elektro-tipo-litografiya B. L. Rabinovicha, 1914. 321 p.

Salmina A. A. Sravnitel'nyi analiz pokazatelei neravenstva – ih osobennosti i primenenie [Comparative analysis of inequality indicators – their features and application]. In: *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*, 2019, 7, 35–58.

Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselencev v Sibiri: Materialy po ob sled. tipich. pereselench. poselkov, sobr. i razrabot. pod ruk. i red. V. K. Kuznecova. Vyp. 1. Vyp. 5: Zapadnaya Sibir': Tomskaya guberniya. Step'. Barnaul'skii i Kainskii uезdy. Lesostep'. Kainskii uезд. Perekhod ot taigi k lesostepi. Tomskii i Mariinskii uезdy. Taiga. Mariinskii i Tomskii uезdy [Collection of statistical information about the economic situation of settlers in Siberia: Materials for the survey. typical migrant settlements, collection and developed under the hand and ed. V. C. Kuznetsova. Issue. 1. Issue. 5: Western Siberia: Tomsk province. Steppe. Barnaul and Kain county. Forest-steppe. Kain County. Transition from taiga to forest-steppe. Tomsk and Mariinsky districts. Taiga. Mariinsky and Tomsk counties]. Saint Petersburg, 1912. 301 p.

Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselencev v Tomskoi gubernii: Uезdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii i Mariinskii: materialy po issledovaniyu pereselencheskikh hozyaistv, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom i redakciei V. YA. Nagnibeda Vyp. 1. [Collection of statistical information on the economic situation of immigrants in the Tomsk province: Barnaul, Kain county, Tomsk and Mariinsky counties: materials on the study of resettlement farms, collected and developed under the guidance and editorship of V. Ya. Nagnibed. Issue. 1.]. Tomsk, 1913. 365 p.

Sheinfel'd M. B. *Istoriografiya Sibiri (konec XIX – nachalo XX vv.) [Historiography of Siberia (late XIX – early XX centuries)]*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute, 1973. 398 p.

Shvecov S. P. *Materialy po issledovaniyu mest vodvoreniiya pereselencev v Altaiskom okruge. Rezul'taty statisticheskogo issledovaniya v 1894g. Vyp. II. Opisanie pereselencheskikh poselkov [Materials for the study of places of resettlement of settlers in the Altai district. The results of a statistical study in 1894. Issue. II. Description of resettlement settlements. Barnaul: Typo-lithography of the Main Directorate of the Altai District]*. Barnaul: Tipo-litografiya Glavnogo upravleniya Altaiskogo okruga, 1899. 599 p.

Slastuhin F., CHeshihin G. Zaselenie i process kapitalizacii sel'skogo hozyaistva Sibiri do revolyucii [Settlement and the process of capitalization of agriculture in Siberia before the revolution]. In: *Severnaya Aziya [North Asia]*, 1930, 1–2, 56–75.

Slepcev E. Ya. O primenenii matematicheskikh metodov pri izuchenii razlozheniya sibirskogo starozhil'cheskogo krest'yanstva nakanune Oktyabr'skoi revolyucii [On the application of mathematical

methods in the study of the decomposition of the Siberian old-timer peasantry on the eve of the October Revolution]. In: *Nekotorye voprosy istorii krest'yanstva Sibiri [Some questions of the history of the peasantry of Siberia]*, 1976, 36–64.

Slepcev E.YA. Nachal'nyi period izucheniya sovetskimi istorikami starozhil'cheskogo krest'yanstva Sibiri [The initial period of the study by Soviet historians of the old-timer peasantry of Siberia]. In: *Vestnik social'no-politicheskikh nauk [Bulletin of socio-political sciences]*, 2011, 10, 88–91.

Sushchinskii P.P. *Ekonomicheskii byt i pravovye otnosheniya starozhilov i novoselov na Altae (issledovanie na meste) [Economic life and legal relations of old-timers and new settlers in Altai (field study)]*. Saint Petersburg, tip. A. Porohovshchikova, 1898. 39 p.

Tyukavkin V.G. *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya: K voprosu o formirovanii social'no-ekonomicheskikh predposylok socialisticheskoi revolyucii [Siberian village on the eve of October: To the question of the formation of socio-economic prerequisites for the socialist revolution]*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 471 p.

Vladimirov V.N. Differenciatsiya zarplat rabochih i sluzhashchih Sibirskogo kraia (1925–1929 gg.): decil'nye koeffitsienty i indeks Dzhini [Differentiation of wages of workers and employees of the Siberian Territory (1925–1929): decile coefficients and the Gini index]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2022, 485, 87–93. DOI: 10.17223/15617793/485/10.

Vladimirov V.N., Nezhenceva N.V., Shchetinina A.S. Differenciatsiya zarabotnoi platy rabochih Sibirskogo kraia v period nepa (1925–1929) [Differentiation of wages of workers in the Siberian Territory during the NEP period (1925–1929)]. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2022, 1 (74), 51–62. DOI: 10.30759/1728–9718–2022–1(74)-51–62.

Zharova A.K. *Razvitie kapitalizma v sel'skom hozyaistve Zapadnoi Sibiri: Avtoreferat kandidatskoi dissertatsii [The development of capitalism in agriculture in Western Siberia: Abstract of a PhD dissertation]*. Moscow, 1952. 19 p.